

“Н овая волна” узбекского кино на мировом подъеме. Юсуп Разыков на гребне этой волны. Молодой режиссер, снявший “Оратора” и “Танец мужчин”, создал новое кинопроизведение в духе сатирического журнала “Фитиль” с глубоким философским контекстом отчуждения в связи с 10-летним отрывом от советской действительности.

Воспитанный в советские времена, режиссер усвоил все модели поведения и клише той жизни. И все это воплотил в своем фильме. Кажется, что он делится воспоминаниями о том времени. На экране возникают кадры суровой провинциальной среднеазиатской реальности. Пыльные разбитые дороги, по которым пролетает малолитражка героя; обшарпанный детский дом, где все дети ходят в одинаковой одежде, и любая кукла становится объектом поклонения; райком как некий храм с освобождающим от всего ненужного пространством, где прямые линии и гипсовые бюсты придают торжественность и одиозность этому заведению. Перед нами выстраивается ряд эпизодов, постепенно создающих в нашем сознании образ абсолютно сумасшедшего, вывороченного с корнями мира. Это, с одной стороны, мир чиновников и бюрократов, не имеющих ничего общего с людьми, составляющими другую сторону, людьми, пытающимися сохранить традиции в нетронутom, замороженном виде и потому не соглашающимися на нововведения.

В райцентре решили построить интернациональное кладбище, на котором упокоятся с миром и узбеки, и корейцы, и русские, и евреи. Решение это не было взято просто так, “из воздуха”, нет, скорее, это была дань памяти и уважения столичному партийному начальнику и другу. Строительство поручают “верному” человеку, хорошо зарекомендовавшему себя на госслужбе – товарищу Бойкенжаеву (Фархад Абдуллаев).

Главный герой показан в ленте на нескольких уровнях. С одной стороны, он ревностный исполнитель воли вышестоящего начальства и не задумывается над тем, зачем, собственно говоря, нужно кладбище в форме пятиконечной звезды. С другой – он, бывший воспи-

Затуманенный ум

Мария БЕЗЕНКОВА

танник интерната, до сих пор посещает его, чтобы пообщаться с маленькой девочкой, к которой он испытывает бесконечную нежность, и воспитательницей, к которой ощущает теплое чувство, похожее на любовь. С третьей – он шут в среде партийных чинуш. Его держат на должности потому, что он в любой момент умеет заплакать. А это каждый раз вызывает смех у заезжих ревизоров. Его истовое рвение доходит до того, что когда он не может найти покойника для торжественного открытия кладбища, сам надевает свой лучший костюм, ложится на кровать и умирает.

В каком-то смысле авторы предлагают нам проследить путь “настоящего советского” человека в условиях “застоя” – действие фильма можно предположительно отнести к середине 70-х. Все качества Бойкенжаева – очень правдивые: он настоящий исполнитель (“партия приказала” – он выполнил), он по-настоящему верит в то, что его дело – правое, его быт неустроен, поскольку материальные блага в условиях наступающего светлого будущего не имеют ни малейшего смысла. Все эти положительные качества представлены в той степени наглядности, что позволяет говорить о сатирическом обличении этого образа.

Однако к герою испытываешь скорее симпатию, замешанную на сострадании и понимании нежизнеспособности такого типа людей. Он слишком мягок к одним и беспощаден к другим. Он человек крайностей, не оставляет ни минуты на себя лично. Герой действительно отдает людям всего себя. Он открыт им, но никому не нужен, разве что девочке из детдома, да и то только как некий сладкий сон (Бойкенжаев перед смертью приходит к ней, чтобы попроситься: “Ты мне снишься? Значит, все будет хорошо”). Он отдает людям собственную энергию, он появляется в их жизни на очень короткий момент, чтобы обогреть их и исчезнуть. Но

вряд ли кто-нибудь из персонажей поймет его жертву. К товарищу Бойкенжаеву относятся как к чудаку, человеку не в своем уме и подчиняются его требованиям, только чтобы не связываться с помешанным. Одно лишь может порадовать зрителя, обеспокоенного столь несчастной судьбой главного героя, – умирает он счастливым, с сознанием того, что выполнил порученное ему ответственное задание.

Фильм Ю.Разыкова словно бы построен на простейшей антитезе: герой – среда. Это позволяет режиссеру насыщать экранное пространство именно теми элементами повествования, которые работали бы на эту антитезу. И возникает такой вроде бы реальный, а вроде бы вычищенный мир, где как в газетном фельетоне осталось только то, что следует обличить. Некие бытовые зарисовки – праздник в детдоме, где Бойкенжаев выходит на сцену в роли Ленина, и мы видим зрительный зал с до боли знакомыми обшарпанными креслами, знакомем на занавесе, нарисованными цветами и портретом Ленина вдалеке. Или, например, эпизод фильма, где и происходит завязка действия – от обжорства и неумеренного возлияния умирает столичный партийный бонза. Его смерти предшествует сцена импровизированного банкета, осененного речами приезжего чиновника, полными бездумных разглагольствований о жизни, смерти, дружбе и товариществе. Все это должно вызывать у людей, живших в ту эпоху, совершенно однозначную реакцию. Вся лента полна мелкими бытовыми, но для нас теперь уже знаковыми, деталями – обстановка кабинета в райкоме или духи “Красная Москва”.

Но во многом обличения не получились. Зритель откровенно смеется над казусами тогдашней жизни и ситуацией постройки интернационального кладбища (например, для открытия его необходим именно “свой”, узбек, но, как

назло, в городке никто не умирает, или жители просто не хотят отдавать своих умерших родственников в неосвященное традицией пространство нового кладбища) и отдельно сопереживает главному герою.

Вероятно, обличение и не было целью Разыкова. Возможно, он хотел поговорить о более глубинных конфликтах “старого и нового”, традиции и анти-традиции. Это, безусловно, присутствует в ленте. Здесь и собственно обычай погребения в определенном веками месте по определенному обычаю сценарию. Из-за этого и прячут жители своих покойных родственников, дабы под покровом ночи пронести их тайком к мулле. В каких-то эпизодах такое трепетное отношение к традиции приобретает характер фантазмагории. Например, когда из больницы сбегает все тяжело больные люди, чтобы только не быть похороненными на новом кладбище, или когда сыновья почившего узбека разыгрывают перед Бойкенжаевым целое представление, чтобы тот не забрал их отца на интернациональное кладбище.

Отношение авторов к происходящему на экране можно определить как ироничное. Все персонажи показаны с долей доброй улыбки и сопереживания. Ведь неважно, что довлеет над человеком – традиция или партия, он все равно должен прежде всего оставаться самим собой. Но это никому из героев картины “Товарищ Бойкенжаев” не удастся. Увы!

Хотя я попыталась определить время действия картины, должна заметить, что многие образы фильма не укладываются в определение “середина 70-х”. Показанный в картине партийный аппарат – это, скорее, явление 50-х, а если очистить образ главного героя от шелухи повседневности – он окажется энтузиастом из 30-х. Такое смешение характеров и типов советской действительности свойственно новейшей, скажем так, демократической трактовке советской истории. Лапидарность и безапелляционность, с которыми автор фильма смешивает разновременные характеры, только доказывают его связь не с собственно советской мифологией, а с неомифологией, воспитанной в 90-е. Еще один затуманенный ум.

Экран и сцена